

Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

Стенограмма интервью с Ольгой Александровной Ворониной
Интервью провела Наталья Львовна Пушкарева

Местонахождение: Россия

Дата: Май 2016 г.

Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537

Электронная почта: um.gfp@umich.edu

Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glblfem>

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Ольга Воронина - профессор философии в Институте философии Российской Академии Наук. Ее профессиональная деятельность и личные интересы включают феминистские и гендерные исследования, образование и женское движение. Она является независимым экспертом множества российских и международных организаций, занимающихся вопросами гендерного равенства.

Ольга Воронина была одной из первых в начале 1980х годов, начавшей изучать теорию и движение феминизма, ранее неизвестных и непопулярных в России. В 1987-1990 гг. она была членом низовой инициативной группы «Лотос», открыто называющей себя феминистской. Позднее, она была одним из организаторов Первого (1991) и Второго (1992) независимого женского форума в Дубне, которые послужили толчком к развитию независимого от государства женского движения в России.

В 1990 г. Ольга Воронина вместе со своими коллегами основала Московский центр гендерных исследований, в 1994-2015 гг. - директор-исполнитель МЦГИ. Во все эти годы она руководила многими научными исследованиями и образовательными проектами МЦГИ, поддерживаемых фондами МакАртура, Форда и фондом Сороса (Россия). МЦГИ является ресурсным центром для исследователей, преподавателей, женщин-активисток, журналистов. В образовательной и исследовательской деятельности МЦГИ принимают участие студенты и преподаватели из 80-ти университетов России, Армении, Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана, Украины. Подробности на web-странице МЦГИ <www.gender.ru>

Ольга Воронина преподавала феминистскую и гендерную теорию в университетах Москвы и, как приглашенный профессор, в Западном Берлине, в университетах Висконсина и Айовы (США).

Ольга Воронина - независимый эксперт комитета Государственной Думы России по вопросам семьи, женщин и детей (с 2004 года по настоящее время); Член Межминистерского комитета по равным правам и возможностям мужчин и женщин Российской Федерации (с 2006 года по настоящее время). За последние годы она была членом комитета при президенте РФ по вопросам женщин, семьи и населения (1994-2000); Национальный эксперт Всемирного Банка (2004);

председатель Совета сетевой женской программы - Институт "Открытого общество" Россия / фонд Сороса (2001-2002); Гендерный эксперт UNDP-Russia (Программа развития Организации Объединенных Наций) (2012).

Ольга Воронина - автор трех монографий и более 180-ти статей, опубликованных в научных журналах и в популярных средствах массовой информации на английском, французском, немецком, итальянском, болгарском, киргизском и узбекском языках. Также является редактором более 17-ти сборников материалов, представляющих результаты исследований МЦГИ, и множества учебников по теории феминизма и гендерным исследованиям.

Ольга Воронина принимала участие и представляла доклады на многих важных международных и российских конференциях и встречах, среди наиболее важных: Всероссийская конференция «Проблемы гендера в современной России» (Москва, Россия, 2008); Международная конференция «Гендерные исследования в ННГ» (Стамбул, Турция, 2005); [ННГ - новые независимые государства]; XX Всемирный философский конгресс. Отдел философии и гендера (Бостон, США, 1998); IV Всемирная конференция ООН по положению женщин и Форум неправительственных организаций по делам женщин (Пекин, Китай, 1995); 39ая сессия Комиссии ООН по положению женщин и Консультативная встреча женских неправительственных организаций (Нью-Йорк, США, 1995); "Роль женщин в политической и общественной жизни" - встреча экспертов Отдела по продвижению женщин Департамента социальных проблем ООН (Вена, Австрия, 1991).

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работы, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Наталья Львовна Пушкарева: Ольга Александровна Воронина, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, одна из инициаторов создания Московского центра гендерных исследований.

Спасибо большое, Ольга Александровна, за то, что Вы согласились принять участие в нашем проекте. Первый наш вопрос о Вашей профессиональной деятельности, о своей... Расскажите о себе. В какой... На каком этапе своего жизненного пути Вы сейчас находитесь, как появилась женская тема в Ваших исследованиях, как это повлияло на Ваши профессиональные интересы и в дальнейшем, или, может быть, наоборот, участие в женском движении привело к изучению женской темы, то есть, сначала несколько слов о самой себе.

Ольга Александровна Воронина: Спасибо за приглашение принять участие в проекте, в общем это довольно интересно, тем более что сейчас очень мало людей интересуются женской темой и гендерными исследованиями как в России, так и за рубежом. Я помню время, девяностые годы, перестройка, новое мышление, было очень много интересующихся, особенно с Запада, сейчас про нас немножко забыли, хотя бы даже в плане просто вот таком историческом. Что касается моего сегодняшнего самоощущения, оно довольно опечаленное, честно говоря. Это, скорее всего, связано с политической ситуацией в нашей стране и с отношением к гендерной проблематике в нашей стране. Потому что она сейчас не пользуется не только популярностью, но испытывает очень сильное давление. Но, может быть, мы подробнее об этом поговорим позже, чтобы не начинать сразу с печальной ноты. Вот... Что же касается моей собственной жизни, то мне кажется, что я ее неплохо прожила. Я надеюсь, что мне еще рано подводить итоги. Я надеюсь еще пожить и потворить. Я, скорее, сейчас переключилась с таких общеполитических тем, которые в отношении женщины, гендерной проблематики, которыми я занималась последние 20-25 лет, на более академические аспекты этой же проблемы. Постольку, поскольку я сотрудник

Академии наук, это, наверное, даже более соответствует моей научной специализации. Как я пришла к этой теме... Нет, я не могу сказать, чтобы участие в женском движении меня побудило начать заниматься этим. Скорее, наоборот, я пришла в женское движение и, может быть, даже была одной из инициаторов этого движения, возрождения в России, потому что я уже занималась этой темой. Но, во-первых, как я думаю, во мне очень много женщины, поэтому положение женщины всегда меня интересовало, даже в школе, даже в университете.

Когда я начала писать диссертацию, я вообще закончила философский факультет, но всегда была больше склонна не к абстрактным рассуждениям, а к каким-то живым действиям, и в общем-то я кончала кафедру социологии. Но социология в советские времена была довольно такая вся формальная. Да, социология села, социология труда, и т.д. И я подумала, что, наверное, социология семьи – это что-то более интересное, более приближенное, во-первых, к жизни человека вообще и к жизни женщины. Я не могу сказать, что это было связано с какими-то моими особенными склонностями к браку и семье, я считаю, что это важная часть жизни женщины и мужчины, но как-то вот сразу оговорюсь, что это не было связано... увлечение социологией семьи никоим образом не было связано с моим желанием лучше узнать, что это такое, для того чтобы потом удачно выйти замуж, и так далее. Но когда я стала писать и читать что-то такое по социологии семьи уже в аспирантуре Московского университета на философском факультете, опять вот эта вся казенщина советская полезла. Там советская семья – ячейка общества, женщина, совмещение двух функций – опять, в общем, вот это вот все. Я решила, что «а давайте-ка я посмотрю, что делается на Западе». И стала интересоваться американской социологией семьи. В то время... надо сказать, что в то время в России библиотеки в общем очень хорошо пополнялись западной литературой, особенно московские, естественно. Ленинская библиотека, ИНИОН – это специализированная библиотека Академии наук. И нельзя сказать, что нет, мы не могли читать. Наверное, в других городах хуже, но здесь, во всяком случае, это было. Я очень много читала всяких статей – по началу, конечно, такие малые формы. И все время там – это был я Вам скажу какой год – это был, наверное, год 77-78. Там все время упоминалась книга Бетти Фридан «Мистика женственности». Я ее заказала – ее не было в России. Я ее заказала по международному абонементу. И все, она перевернула мне мозги. Просто полностью перевернула мозги. И я стала заниматься изучением феминизма и женской темой. Тогда еще не было как таковых гендерных исследований. Но это все все равно осталось в рамках моих академических занятий на философском. Но везде в философии люди бывают разные, бывают несколько сумасшедшие, поэтому на мое увлечение феминизмом смотрели очень спокойно, как на некоторого рода сумасшествие, которое никому не приносит вреда. Я спокойно совершенно защитилась на философском факультете в 81 году, а потом пришла через некоторое время работать в Институт философии, но там я занималась другими темами, так сказать, вот они были утверждены, они были мне предложены, но то, что я что-то там почитываю, никого особенно не волновало.

Но мне пришлось, конечно, сделать некоторую паузу в моих академических занятиях, то есть я что-то читала, но читала исключительно для себя, никоим образом не презентуя это вовне, не писала статьи, не выступала, как-то не складывалось. А потом началась перестройка, и это все совпало с тем, что в это время – ну не в это время, чуть позже – это 75, да 85 – был объявлен он десятилетием женщины, и в России, как всегда в советское время, очень много уделялось внимания престижу.

А, да, еще расскажу один замечательный момент. Когда я написала – ну вы же все равно будете там резать и клеить – когда я, значит, написала диссертацию по американскому феминизму, меня это совершенно, конечно, потрясло, и я пришла в единственную тогда существовавшую женскую организацию «Комитет советских женщин». Я хотела им рассказать, что есть другие мнения по этому поводу. Причем пришла – это сильно сказано. Туда нельзя было прийти. Мне составила протекцию моя свекровь. Свекор мой был посол, она принимала кого-то в свое время из Комитета советских женщин, поэтому позвонила и меня приняли, а иначе я бы дальше милиционера на проходной не пошла. Меня встретила очень милая женщина – к сожалению, не помню сейчас ее фамилию. Я ей сказала: Вы знаете, я так узнала, я так хочу рассказать, совершенно бесплатно, мне никаких денег не надо, в общем, очень бурно стала все это дело рассказывать. Она посмотрела на меня и сказала: «Деточка, милая, нам это совершенно не надо, мы занимаемся совершенно другими вопросами». И я поняла, что да, это такая представительская организация. Но прошло там, не знаю, пять-шесть-семь лет, и они-таки стали принимать западных феминисток. И меня вспомнили, стали приглашать. Ну, плюрализм ведь. Там были какие-то – я вот не помню, вряд ли там были религиозные организации, но там были какие-то совершенно стандартные исследователи, были какие-то кондовые, значит, ткачихи, которые писали, и поварики и там бабы Бабарихи, которые говорили какие-то... но в какой-то момент, значит, одна из постоянных ведущих этих всех встреч и круглых столов таким шикарным жестом делала знак в мою сторону и говорила: «А вот у нас тут и феминистка имеется!». И Ольга Воронина выходила в роли феминистки. Конечно, наши тетки смотрели на меня безумно, хотя, может быть, у них что-то в голове откладывалось. Американки часто мне потом говорили: «Слушай, ты была там одна-единственная вменяемая, с кем можно было хоть как-то говорить». Да, и значит, под эгидой этих всяких ООНских дел и участия в них Советского Союза проходило много конференций, в том числе в каком-то из восьмидесятых годов – к сожалению, я сейчас точнее не вспомню – была конференция в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Такое очень, значит, основательное мероприятие. А туда тоже звали всяких людей, и я тоже это все слушала, слушала, про сочетание, значит, двух ролей, производственной и семейной, тогда еще иногда говорили «двух функций», про помощь партии и правительства, которой, конечно, недостаточно, но все-таки хороши, про достижения советского... все это, в общем, было так, но как-то, понимаете, об этом говорили последние 30 лет, и ничего нового в это не добавляли. Я не выдержала и высказалась с каким-то своим докладом, что-то другое сказала. Там была еще одна женщина, которая тоже сказала что-то другое, не то, что там

говорилось, и третья женщина, которая сказала что-то. Значит, вот. Я уже не помню, в какой последовательности мы говорили – мне кажется, что я все-таки была первая, я так очень активно – наверное, я вылезла первой. Второй женщиной была Валентина Константинова, а третьей была Наталья Захарова. И мы встретились в перерыве, и очень долго говорили. И потом решили встречаться и обсуждать какие-то вот просто вопросы, которые нас интересуют. Чаще всего мы встречались на квартире у Наташи Захаровой и обсуждали то, что мы читали, какие-то новые книжки, какие-то новые фильмы, я имею в виду такие документальные, в то время их было очень много. Была очень забавная ситуация, когда программа «Взгляд» пришла к Наташе Захаровой записывать вот встречу феминисток, но потом как-то эта передача не пошла. Потом они пришли... решили меня записать, пригласили, а это была такая очень прогрессивная, кто знает, в России, программа «Взгляд», очень прогрессивные ребята, люди, они меня пригласили в какую-то студию, разговор про феминизм, я все рассказывала долго про феминизм, потом был анонс – да вот. А ее смотрела, надо сказать, вся страна – анонс того, что будет. Я, конечно, сказала каким-то своим знакомым. Через какой-то... в день, когда должна быть передача, мне позвонил из Казахстана – тогда это еще была отдельная – нет, тогда это была еще наша республика – из Целинограда, теперь Астана,¹ позвонил наш знакомый и сказал: «Оль, я тебя видел, так хорошо, так интересно, так было все здорово, ты так хорошо говорила, прекрасно держалась перед камерой». А разница во времени – они видели это на три часа раньше. Мы с мужем сидим дома, уложив ребенка, смотрим. Сюжета на Москву не показали. Его заменили рассказом о замечательной какой-то грузинке, которая в Сухуми варит прекрасный кофе. Я очень рада за эту женщину, все было мило, но не показали. И уже тогда я поняла, что эта тема здесь, даже на волне гласности, перестройки и открытия архивов – в общем, она будет идти тяжело. Я позвонила редактору, он не брал трубку – ну, в общем, это мы все забыли. Вот. А потом продолжали так встречаться втроем, потом к нам присоединилась Анастасия Посадская, потом, ну так, иногда захаживала Татьяна Клименкова, и в какой-то момент, благодаря тому, что по заказу Министерства – я уже не помню, труда, что ли? Или социального развития – я уже не помню – вот этой группе нашей заказали разработку – а это была одна из групп, ничего не могу сказать, многие тоже разрабатывали концепцию развития чего-то такого брака и семьи в СССР – как-то мы вдруг выплыли. Наверное, еще благодаря каким-то другим стечениям обстоятельств, выплыли на поверхность, выделились какие-то ставки, и в Институте социально-экономических проблем народонаселения образовалась такая маленькая рабочая группа. И вокруг нее стали...

Н.Л.: Где работала Захарова в это время.

О.А.: Захарова работала год, но потом она уехала работать в ООН в отдел по продвижению женщин. А мы остались – Посадская, Константинова, я, и потом к нам стали присоединяться другие люди, и сначала это была такая маленькая группка, и вокруг нас тоже формировались какие-то активные люди. А надо

¹ Теперь уже Нур-Султан.

сказать, что вот этот период конца восьмидесятых годов, он был очень странный. Я не знаю там, насколько люди его помнят, я помню его очень хорошо. Такое было впечатление – по крайней мере, опять же я говорю, в Москве, что народ проснулся ото сна, и всем вдруг захотелось каких-то перемен. Неважно каких. Многие даже не знали, каких. И бесконечно собирались какие-то маленькие семинары, собирались какие-то группки, они могли быть на заводе, они могли быть, естественно, в академическом институте, в каких-то музеях, на каких-то площадках - наверное, Наташа Каменецкая об этом рассказывала, я думаю – художественных, просто у кого-то на квартире. Я помню, что каждую неделю я была в какой-то новой ситуации, мы что-то обсуждали. Иногда людям наша женская тематика была совершенно безразлична, и они в общем с недоумением смотрели на нас, и это были случайные группы. Но, тем не менее, вот этот энтузиазм был. И постепенно все-таки вокруг нас какое-то вот сбилось, так сказать, это масло, как говорят по-русски, какая-то плотность такая вот людей, которые приходили уже именно к нам, уже именно на эту тематику, и были сначала семинары вот в академическом институте, потому что все были тогда как-то свободны от денег, как от необходимости оформлять пропуск для того, чтобы попасть в академический институт, от каких-то соображений, хотите встречаться – да ради Бога, встречайтесь, сидите хоть до полночи. И мы долго проводили какие-то семинары, а потом дело подошло уже к первому Независимому женскому форуму, о котором, может быть, в следующий раз я отвечу, может быть, люди уже говорили. Это уже как Вам будет, интересно или нет.

Н.Л.: Таким образом, мы плавно подошли к теме Вашей работы, и ее.. к теме связанности вот этих профессиональных интересов и, собственно, женского движения. Можно ли сказать, что те, кто собрались на первый женский форум в 91 году, были, прежде всего, представительницами именно научно-образовательного сообщества?

О.А.: Нет, нет. Там были очень разные люди.

Н.Л.: Кто же там был?

О.А.: Я, к сожалению, сейчас на вот... так подробно не... ну, там все-таки было 250 человек, это довольно много. Там были, ну конечно, это были в основном люди с высшим образованием. То есть это были, естественно, научные сотрудники, это были преподаватели, это были...

Н.Л.: Какого возраста?

О.А.: ...художники, - сейчас я вам скажу – художницы, журналистки, была одна делегат последнего Съезда народных депутатов, Сапцина Наталья или Светлана, не помню, из Кузбасса. То есть она была очень высокого ранга женщина для тех времен, она тоже приехала туда. Были просто какие-то такие районные активистки, которые – может быть, инженерши, может быть, там вот эти инженерно-технические сотрудники – то есть, очень разнообразная была какая-то публика.

Н.Л.: От кого исходил призыв собраться?

О.А.: Наверное, все-таки это была в нашей группе инициатором Маша Посадская, она была очень активная и очень заряженная на социальные какие-то такие действия.

Н.Л.: То есть представители Академии наук?

О.А.: Да, представители Академии наук. Но это даже не только представители Академии наук, потому что мы в это время уже довольно тесно сотрудничали, во-первых, с группой «Сафо». Наверное, Вы побеседовали с ее представителями. Если нет, то, в частности, ее представителем была и Ольга Липовская, и Наташа Абукирова. А с группой художниц, с женским – вот я не помню, как вышли на Дубну – скорее, они на нас вышли. Представители...

Н.Л.: Была Ризниченко во главе Союза женщин в образовании, вот Дубна? Потому что сейчас Дубна ассоциируется с Союзом женщин в науке и образовании.

О.А.: Нет, тогда основную роль играла Генриетта Савина, она была председателем женсовета Дубны. А Дубна – это, собственно говоря, Институт объединенных ядерных исследований стран СЭВ. То есть там действительно были более продвинутые люди в том плане, что они часто ездили за границу, там работали люди в этих странах СЭВ, и они очень многое обсуждали. В частности, я просто могу привести пример, когда, благодаря усилиям, так сказать, людей, которые не хотели, чтобы этот форум был, нам почти его запретили проводить. Приехал директор Института Дубнинского, был... он был чех, он был в командировке, и он приехал практически в ночь перед открытием форума. Мы все туда приехали, но мы не знали, нам разрешат в их ДК проводить или нет. Ему сказали: «Вот, вы представляете, здесь собираются феминистки, геи, лесбиянки, это вообще какой-то кошмар, ВИЧ, СПИД и прочий бред». Он сказал: «Я не вижу... про СПИД вы, наверное, преувеличиваете, но геи, лесбиянки, феминистки – мне все равно. У нас в Чехии это возможно, и здесь это будет так же». Он своей волей как бы вот решил. Хотя, когда мы открывали форум, там было среди двухсот пятидесяти женщин 70 ГБшников. Я бы их не узнала, но, во-первых, это были мужчины, которых мы не приглашали, а, во-вторых, это были... ну, местная публика их знала. То есть, мы почему-то вот... не знаю, может быть, кто-то лучше помнит, я вот не помню, это было настолько бурно...

Н.Л.: Лето?

О.А.: Нет, это был март. То есть, мы объявили это, на самом деле, после Нового года, мы пустили – тогда Интернета никакого в России, естественно, не было – это были факсы по адресам людей, которые к нам обращались с какими-то просьбами. К счастью, мы могли использовать факс вот этого института, Социально-экономических проблем народонаселения. А были факсы, были телефонные звонки, и была какая-то, вот такая, ну, то, что называется «network» - неформальный, это вот действительно была такая «grassroots»ская инициатива. Потому что мы объявили, что мы проводим, мы объявили, что у нас есть

помещение, где мы можем это провести, что нас будут кормить, но на дорогу у нас денег не было, поэтому все оплачивали сами. И это был 91 год, то есть очень сложное в экономическом плане время. Очень сложное. Начинались уже перебои с зарплатами, и так далее. Как люди находили деньги, но, может быть, интересно было бы их разыскать и вспомнить об этом. Но как-то они нашли. Аудитория какая: это, конечно, не были молодые девочки, это были женщины приблизительно 30-40, может быть, 50 – немного. В основном это вот 30-40 лет. Очень разные. Они, конечно, все были, особенно из регионов, затюканные жизнью. Они, конечно, все хотели изменений ситуации и в отношении женщин, и в отношении страны. Но тема феминизма сначала была встречена в штыки. Просто потому что – они же ничего не знали. А в это время в прессе уже начиналась вот эта, вот антифеминистская кампания, причем с феминизмом очень смешно в нашей стране. Когда произошла Октябрьская революция и феминизм стали называть буржуазным течением, не пролетарским, а когда произошло, так сказать, наоборот, ну, изменение ситуации, вот эти реформы, отказ от плановой экономики, социализма и поворот к капитализму, социализм стали называть... феминизм стали называть «отрыжкой социализма» и течением, впитанным... вписанным в социалистические идеи, потому что речь была о равенстве, о равноправии, а слово «равенство» тогда было немодным. И поэтому феминизм называли, значит, во-первых, социалистическим течением, «нам этого не надо, мы уже все феминизма наелись, и социализма» тем, что... Феминизм обвиняли в том, что он виноват в перегрузках женщин. Якобы, значит, вот... Так бы женщина вся сидела дома, вся такая хорошенькая, прибранная, в косметике, и с детьми, у нее была бы там нянька, ну, тоже женщина – но это неважно, как-то это не обсуждалось. А так вот она должна благодаря этому социализму, должна была идти работать. В том, что феминистки – это все сексуально неудовлетворенные, но, в общем, весь этот набор всем известен, понятно. И эти женщины, так сказать, сначала в штыки приняли это все, но потом я прочитала... даже не лекцию прочитала, а провела такую в первый же день беседу. У меня есть документ итоговый первого форума, можно даже его как-нибудь переслать, отсканировать. Вообще он на сайте у нас, кстати, висит, по-моему. Я провела такую как бы вот беседу, сначала какую-то вводку, я рассказала просто, кто такие феминистки, что они делают. Сказала честно, что да, там есть и лесбийские течения, есть и экстремистские течения, радикальные, но в любом политическом движении всегда есть радикалистки, но есть и те, кто выступает за семью, уже происходит откат от радикализма. И вообще с этим надо, девочки, разбираться. И больше всего им понравились слова, которые я привела тогда. Это одна из американок в начале XIX... XX века сказала - не помню ее имя, к сожалению, - что «я не знаю, что такое феминизм, но я знаю, что меня называют феминисткой каждый раз, когда я не даю вытирать об себя ноги». И это их примирило с феминизмом. И потом все уже как-то было по-другому, хотя, конечно, обсуждались и другие вопросы, но в общем мне кажется, что все-таки вот эта ситуация послужила основой для того, чтобы в регионах началось движение какое-то. Может быть, далеко не все, у нас тогда не получилось как-то проследить, отследить, установить всех. Хотя с кем-то мы поддерживали связь, кто сам находил и был активен. Но со всеми, к сожалению, не получилось

проследить связь. Но, мне кажется, что, даже если эти люди, эти женщины не стали заниматься женской темой и женским движением, они даже в своих других... они наверняка были все равно социально активными. Может быть, они ушли в молодежные, экологические, может быть, даже в семейные движения. Но я думаю, что все-таки то, что они были у нас, помогало им воздерживаться от каких-то вот таких уж совсем патриархальных идей, что вот женщина – это семья, и семья – это женщина. Так мне кажется, я так надеюсь.

Н.Л.: А сколько дней длился форум?

О.А.: Три.

Н.Л.: И какое решение было? Вновь собраться через год, чтобы обсудить ситуацию?

О.А.: Да, да.

Н.Л.: На чем расстались?

О.А.: Расстались на том, что, значит, мы создали какой-то итоговый документ, в котором отметили ситуацию дискриминации женщин, неравенства женщин, необходимости преодоления. Это было достаточно смело, потому что в общем тогда этого никто не фиксировал, хотя так вот даже и социологи говорили, но так это как-то было в части разной и это были чисто академические были издания. И было принято решение поддерживать отношения, продолжать вести какие-то семинары активистские и встретиться через год. И через год действительно мы встретились, но тут уже, к счастью...

Н.Л.: Те же 200 человек?

О.А.: Нет, это уже было гораздо больше, это было уже где-то около полутора тысяч, но, к счастью, мы смогли получить спонсорскую поддержку.

Н.Л.: Откуда?

О.А.: А вот это, Наташ, я скажу, но я думаю, что с этим материалом надо быть очень осторожным. Потому что тогда не было фондов еще. Девяносто второй год, фондов не было. И получение западных денег, оно как-то вот так очень не приветствовалось, хотя не преследовалось. Уже можно было менять валюту, покупать ее и так далее. И это были просто частные пожертвования, в оргкомитет поступали эти деньги, частные пожертвования, американки, европейки...

Н.Л.: А кто вошел в оргкомитет? К проведению второго форума?

О.А.: В оргкомитет второго форума, ну, практически все те же, кто и был там. Посадская, Воронина, Захаровой уже не было, Константинова, Клименкова, Абукирова, Липовская, еще кто-то... это надо поднять документы. В общем это было человек десять.

Н.Л.: В это время уже существовал Московский центр гендерных исследований?

О.А.: Мы существовали как самоназванная организация. Тогда не было необходимости регистрироваться, поэтому мы существовали просто как общественная организация.

Н.Л.: А вы себя представляли?

О.А.: Да. Мы уже себя представляли.

Н.Л.: Вы говорили, когда выступали, что вы представляете Московский центр гендерных исследований?

О.А.: Да, мы уже, собственно, в 91 году говорили, что мы представляем Московский центр гендерных исследований, это общественная организация, ну и все в общем, никто ничего не требовал.

Н.Л.: А какие в это время уже существовали тоже центры, которые бы называли себя «гендерных исследований»? Были ли такие? До времени...

О.А.: Я не помню. Я знаю, что был... была женская организация «Преображение», было очень много было женсоветов, и, вот скажем, женсовет Дубны, он совсем не был таким фундаменталистски-патриархальным. Была организация вот «Сафо». Была... Я знаю, что упустила что-то... в ЦАГИ, я забыла, как называлась организация в ЦАГИ.

Н.Л.: То есть термин «гендерные исследования» появился позже?

О.А.: Термин «гендерные исследования» да, появился значительно позже, он гораздо позже вошел в... сначала в научный обиход, а потом уже в такой как бы популярный, потому что, когда мы вели семинары, мы, может быть, и говорили о гендере и о гендерных исследованиях, но очень бурные споры вызывал этот термин и в научных кругах, а тем более в общественных, и в общественных мы вообще старались не очень его употреблять, потому что это было очень сложно понять. Потому что гендер – это же... это не такое вот линейное, что называется, определение. Хотя опять же, я должна вернуться к концу, наверное, восьмидесятых годов. Нет, это, конечно, уже не конец восьмидесятых годов, это уже, конечно, первая половина девяностых. Опять же, в той же Академии общественных наук прошел семинар. Нет, не семинар, а большая конференция «Гендерные исследования... что-то такое... в мире», я помню, что приезжало очень много представителей с такими фундаментальными... представителей науки европейской с фундаментальными докладами. Была гречанка, была немка, были англичане, естественно, очень большой **«pool»**, были итальянки, испанки. Вот тогда этот термин «гендер», он очень активно стал муссироваться и в общем он пошел уже как-то, стал акцептироваться академическими сотрудниками, потому что все-таки это были еще советские мозги, и какой-то Московский центр гендерных исследований, ну, мало что значил, а вот то, что в Академии общественных наук при ЦК КПСС – она еще тогда называлась так – было проведено, уже как-то вот их побуждало писать на эти темы. И я помню, что, скажем, ко времени проведения первой школы девяносто... какой там... шестой год, первой летней школы по гендерным исследованиям, уже были научные

публикации, которые позволили мне называть их псевдогендерными. То есть вот люди писали в рамках традиционного вот этого социо-полового или даже просто биологического подхода, но просто они поняли, решили, что теперь вместо слова «пол» модно употреблять слово «гендер». «Ну какая разница». То есть, пошел уже вот этот процесс.

Н.Л.: Какие следующие стадии развития были после первых двух форумов, 91 и 92 года, дальше появляется, вот Вы назвали, движение школ летних, которые несли эти гендерные знания более юным и молодым участницам женского движения. Что можно сказать, какие следующие вехи именно в истории вот подобного рода конгрессов, встреч и так далее? Можно ли сказать, что с 92 года и до 2008 года, то есть до Второго женского съезда, никаких уже общероссийских встреч специалистов в области гендерных исследований и женского... принимавших активное участие в женском движении, уже не было? Или было?

О.А.: Нет. Дело в том, что государство, оно никогда, по существу, не поддерживало эту тематику. В лучшем случае, оно не мешало. Что это значит? Если, скажем, в советские времена, если тема была утверждена – говорим, скажем, об академической науке – если в советские времена тема была утверждена в... или там вот в Академии наук или в каком-то другом институте, это значит, что на нее выделялось финансирование. В том числе, время от времени финансирование на проведение конференций. Мы же помним, какие роскошные, большие конференции были в Академии наук, когда оплачивались и командировочные, и дорога, и все, из Владивостока, и со всех концов могли люди приезжать. Вот. В отношении гендерной проблематики этого не было. Единственное, что я могу вспомнить, что в 87 году прошел... тоже в рамках...

Н.Л.: В 97-ом?

О.А.: В 87 году прошел в рамках вот этого десятилетия ООН... или... не знаю, был Женский всемирный конгресс, в Москве он проходил. Это был последний вот такой вот большой форум, который устраивал Советский союз. Он проходил в Кремлевском дворце съездов, на нем присутствовал Горбачев, он даже выступал, и у меня есть фото, как он сидит в Президиуме. Естественно, Терешкова, представители ООН, и тогда – Кремлевский дворец съездов – это несколько тысяч женщин со всего мира, которые принимались за государственный счет. Это был общественно-политический форум, он был не научный, но денег было выделено немало. Что касается научного... поддержки научных мероприятий, в том числе, например, конференций в области гендерных исследований, их не было. Вот их не было. Поэтому, если какой-то институт мог организовать конференцию, то это, как правило, ну, в рамках одного города. Хотя мы несколько раз все-таки до 2008 года тоже проводили конференции благодаря грантовым деньгам. Вот Московский центр гендерных исследований организовывал несколько конференций еще до школ, или вместе со школами, или параллельно со школами, на которые мы могли... благодаря поддержке мы могли выделить деньги, оплатить проезд участникам. Конечно, это было не очень много, конечно, это был

не Владивосток, естественно. Но все-таки там было и 200, и 300 человек, были такие конференции. Потом были публикации, что было хорошо – сразу. Иногда, постольку, поскольку мы вынуждены были лавировать, уже это началось время, когда мы должны были лавировать, у нас было как вот такие несколько лиц, которые мы – но это не маски, это действительно лица наши настоящие, потому что иногда мы были общественной организацией, по юридическому статусу, как мы зарегистрировались уже.

Н.Л.: В каком году вы зарегистрировались?

О.А.: В 94... уже была официальная регистрация. Значит, у нас был юридический статус «общественная организация», у нас был такой статус «научная организация», потому что мы все-таки назывались Московский центр гендерных исследований, а не социального активизма, и у нас в уставе предусмотрены исследования и образовательная деятельность, ну, и участие в женском движении. Мы максимально широко написали этот устав, который позволял нам многое делать.

Н.Л.: Кроме Вас, кто участвовал в написании текста Устава?

О.А.: Сейчас скажу. И... из-за того, что... то есть, из-за того, что мы уже были вынуждены лавировать, часто, скажем, проводили конференции либо... и школы либо совместно с какими-то университетами, что тогда очень поддерживалось, либо совместно с Академией наук. И это давало возможность, например, людям, которые хотели приехать на конференцию, у себя, в академических институтах, получить командировку, тогда еще деньги были, - официальную командировку, они приезжали к нам, получали приглашение, им оплачивал их университет, они участвовали в наших мероприятиях. Это всегда имело статус – там в Академии, ну, и так далее. И это тоже нам позволяло крутиться.

В написании Устава, собственно говоря, принимал участие, только какое-то формальное, юрист. Мы написали сами. Тогда это было возможно. Мы сами написали Устав, все, что хотели, туда заложили. Единственно, что, когда пришли его регистрировать, какой-то, ну, штатный юрист при Министерстве – юстиции, что ли, я уже не помню, где мы регистрировали, - в принципе, документы у меня есть, я могу это уточнить, сейчас просто не помню, - он какие-то формализмы туда ввел, и все. Содержательно никто не менял и никто тогда не препятствовал.

Н.Л.: И вот 90-е годы, поэтому, можно охарактеризовать с одной стороны, как период, когда появляется первый центр женских и гендерных исследований или только гендерных исследований или лаборатория гендерных исследований в различных университетах. А с другой стороны, вероятно все-таки существовало низовое женское движение, которое послало своих первых представителей на Форум в Дубне в 91 году и позже в 90-е годы при поддержке западных фондов или без них. Ну, во всяком случае возникало... значит, отсюда возникает вопрос такой: **Какие отношения были между МЦГИ и вот этими женскими организациями, которые не были ни образовательными, ни научными, а**

именно здесь это вопрос о связи теории и практики, вопрос о теоретическом осмыслении и вот этом практическом активизме женском.

О.А.: Сначала отношения у нас были совершенно замечательными. Потому что те люди, которые, да, низовым образом пытались что-то сделать, они как-то довольно рано поняли, что с нашей стороны, со стороны других центров гендерных исследований, - кстати, не помню, какой первый появился, по-моему, Тверской все-таки вот в результате, - школы, потом Самарский. Потом там еще какие-то...

Н.Л.: Людмила Николаевна Попкова.

О.А.: Да, да, да, да. И они, и Ирина Тартаковская, но она, по-моему, позже, все-таки Попкова – первое, по-моему было лицо. Женское движение сначала очень активно прислушивалось к тому, что мы говорим, потому что это была какая-то теоретическая база, это была информация, это были книги, это была даже помощь неформальная, скажем, в написании каких-то заявок на гранты, если это было возможно, или каких-то там, ну, статей, манифестов, чего-то. Но в какой-то момент эти отношения стали портиться. По крайней мере, у нас в Москве.

Н.Л.: Какие годы?

О.А.: Память мне в данном случае изменяет, все-таки это, наверное, уже после Пекинской конференции, после 95 года. Тогда, конечно, мы все сплотились единым порывом, и мы... была ведь очень большая делегация НПОшников, то есть активистов. Но она действительно была делегацией, потому что просто так поехать из России туда было очень сложно, и невозможно, и визы, и все остальное. Кто-то получал гранты, кто-то получал какие-то поддержки местных властей, это было 250 человек.

Надо сказать, что, конечно, вот мы не говорим об Асе Посадской. Наверное, не удастся с ней поговорить, потому что она почему-то не выходит на связь, хотя я знаю, где она работает, но она не выходит на связь. Но она в этом смысле была какой-то просто *regretium mobile*, мне даже иногда не хватало ее энергии, я выпадала куда-то там передохнуть, потому что она могла... то есть, она приходила в МЦГИ в 8 утра и могла выйти в 10-11 вечера, и это бесконечные встречи, бесконечные переговоры, не говоря уже про иностранных специалистов, активистов, журналистов, аспирантов, которые шли потоком. Это были тоже бесконечные переговоры с нашими вот отечественными активистками. Она всегда всех принимала, никогда никому не отказывала, когда я, например, могла сказать: «я не могу, я устала, я пойду домой», Ася все равно вымученно улыбалась и с ними беседовала. Она, конечно... С ней было бы хорошо очень, как-то ее найти, потому что... в общем, хорошо.

Да, и до вот 95 года это все было замечательно, а потом каким-то образом стала меняться ситуация. Может быть, я не знаю, у меня очень пошлая гипотеза, но я бы не хотела в нее верить, я бы хотела думать, что я ошибаюсь. Просто чего-то недопоняла. Мне кажется, что, когда пошли очень активно гранты – а, собственно, существовать можно было только на гранты – и это уже период, когда очень

трудно было использовать какие-то имеющиеся ресурсы. Во-первых, они кончились, еще с советских времен, да, факсы поломались, компьютеров еще не было, и так далее. Помещения стали закрываться, и ресурсов было мало, и пошло, вот мне кажется, пошло соревнование за ресурсы.

Н.Л.: С середины девяностых?

О.А.: С середины девяностых. Мне очень обидно – я не буду называть фамилию этой женщины, мне очень обидно. В какой-то момент... Она много лет была на наших семинарах, все время приходила, никогда не пропускала, активно участвовала, но в какой-то момент на семинаре она сказала: «Ну, в общем. Мы вам очень благодарны, ученые, но теперь мы все сами знаем. И вы теперь занимайтесь своей наукой, а уж женское движение мы будем делать сами». И мы как-то немножко сдались, вот я про МЦГИ говорю. Во-первых, уехала Ася. Во-вторых, у нас начались какие-то свои собственные проблемы, там семейные, со здоровьем, и как-то уже началась некоторая усталость, я бы сказала.

Н.Л.: Кроме Аси Посадской, никто не уехал в Америку?

О.А.: Ну вот, Наташа и Ася. Двое. Захарова уехала на работу, а Ася уехала сначала на стажировку, а потом вышла замуж. Потом осталась там на работу. Уехала еще одна... две женщины уехали из женского движения. Одна уехала и пропала с концами, вторая тоже уехала и тоже практически пропала с концами. Ну, видимо, их такие были...

Н.Л.: Не продолжали женскую тему там?

О.А.: Нет, нет, нет, нет. Они ушли. Одна, по-моему, вообще. В общем ее продолжали, скажем так. Да. И после этого началось вот какое-то такое: «Ну, хорошо. Вы хотите? Вы сами с усами». Да. Мы переключились на вот эти школы, летние, по интернету, у нас было уже несколько таких вот школ и стажировок интернетных. И женское движение как-то стало само по себе заниматься, но, видимо, как у Высоцкого там: «Настоящих буйных мало, так что у них не было вожаков». Оно как-то продолжалось, по крайней мере, вот в Москве, но не очень активно, вся эта активность постепенно стала выливаться в какое-то повторение самих себя. Одни и те же темы, одни и те же люди, вот какое-то толчение воды в ступе. Все-таки академическая деятельность, она тем хороша, что она позволяет людям понимать, что это уже сделано, это не сделано, это сделать невозможно, это нужно сделать в первую очередь, и в принципе мы готовы были продолжать сотрудничать, потому что мы, МЦГИ – его отличие от многих других центров как раз в том, что мы с самого начала были ориентированы на изменение ситуации в России. У всех своя специализация. Вот скажем, Центр Иры Жеребкиной, который я очень люблю и перед которым преклоняюсь – но у них совсем другая специализация. У них, ну, такой вот академизм. Вот такой какой-то уже немножко заумный, постмодернистский академизм. Мы всегда хотели изменить ситуацию здесь. Ну, насколько нам это удалось... Да, кстати, я могу рассказать о том, что, я считаю, было неправильным в нашей деятельности.

Н.Л.: Это очень важно. И вообще тема связи науки и теоретического феминизма и практики – она важна абсолютно для всех, потому что, я думаю, во всем мире стоит вот этот вопрос – как выбраться из этой башни из слоновой кости, в которую себя «аррогантно» запирают представительницы этого научного сообщества или научного образовательного и т.д? Как выбраться из этой башни? Как заговорить с активистами, как вообще донести наши знания до тех, для кого мы, собственно, изучаем, женское движение, женскую историю и вообще женскую тему в гуманитарном знании?

О.А.: Мне кажется, что вообще – вот, ну, я не знаю, с современной молодежью, наверное, уже труднее говорить – они другие, действительно, во многом другие – но мне кажется, что в наше время я вот не испытывала никакой проблемы, разговаривая о женских и гендерных проблемах с людьми любого абсолютно уровня. Во всяком случае, я всегда могла найти слова, чтобы поговорить об этом с врачом, с санитаркой, тетей Мотей уборщицей, соседкой случайной в транспорте, с соседкой по даче, и так далее. Нет, проблема найти слова – не проблема, можно не говорить «гендер», можно говорить совсем какие-то другие слова. Держаться за терминологию необходимо, когда ты занимаешься академической работой, чтобы тебя поняли люди, о чем ты говоришь. А когда ты разговариваешь с людьми, ты-то можешь одну из ипостасей этого гендера взять и говорить об этом, не говорить, что это конструкт... зачем? В общем все. Без этого можно обойтись. Проблема, мне кажется, заключалась в том, что у нас было очень мало людей, даже в академической среде, которые готовы были работать над этой темой. И охватить такую огромную страну, как – даже не Советский Союз, а Россия – с ее очень в общем патриархальным сознанием, потому что у женщин это сидит страшным образом, и проблема как раз заключается не в том, что они не понимают, что ты говоришь – они сопротивляются этому очень активно. И ситуация чем дальше, тем хуже, потому что – это отдельная большая тема и мы можем поговорить, но я сейчас ее оставляю – потому что, ну, вся массовая культура, в России, во всяком случае, работает на гламур, на этот буржуазный идеал женственности, которая может сидеть с ноготочками, ничего не делать, а муж ее обязан обеспечивать, а если этого не получилось, так уже проблемы. Есть, конечно, очень хороший способ – можно пойти на передачу «Модный приговор», там тебя причешут как надо, оденут как надо, и у тебя будет хорошо, и мужа найдешь, и все у тебя заладится. А вот. Поэтому очень... Как бы нас очень мало – и, может быть, еще потому, собственно говоря, те, кто занимается академической деятельностью, сами немножко отошли от участия в женском движении, потому что мы стали уставать. Никто из нас не имеет ренты, не имеет этого самого благословенного мужа, который тебя будет содержать, поэтому нам надо работать за зарплату. И мы просто стали уставать. А вот сейчас этот «аут», как бы вот да, сопряжен, сначала с одной стороны, с социальной ситуацией, с другой стороны, - с личной. Я могу сказать про себя, что я почти выгорела. Изнутри. Я просто выгорела.

Н.Л.: Продолжая заниматься женской тематикой?

О.А.: Продолжая преодолевать сопротивление. И, может быть, этого бы не произошло, если бы не события последних лет. Потому что, все-таки опять возвращаясь к Московскому центру гендерных исследований, мы работали на многих как бы...

Н.Л.: Площадках.

О.А.: Площадках правильнее. Не фронтах, а площадках. Потому что, с одной стороны – академическая деятельность, и ты должен все время что-то знать новое. Ты должен читать, ты должен проводить исследования, иначе тебе неинтересно, тебе нечего будет, в общем-то говоря, анализировать и рассказывать. Это один момент. Второй момент – преподавательская деятельность. Помимо школ и всего прочего многие из нас преподавали так вот еще и по совместительству в различных университетах. Опять же, женское движение, которое мы все-таки никогда не бросали. Бесконечные люди, которые звонили, писали, просили консультаций, которые... ну, никто из нас не отказывал. И самое, конечно, тяжелое – это работа с журналистами, работа с органами власти. По крайней мере, для МЦГИ это была очень тяжелая ситуация. Мы были в Москве, мы были рядом. Не надо никуда ехать. Очень быстро можно дернуть человека – или, наоборот, послать через – существовало и до сих пор существует, власти спускают в президиум, президиум спускает на институт, институт спускает нам. Пишите, значит, записки. Или напрямую обращаются. Сколько мы раз бывали на всех этих парламентских случаях, сколько мы писали экспертиз законов, естественно, бесплатно, неформально и дополнительно к своим этим самым. Сколько раз эти законы проваливались. Сколько раз его опять писали. И вот то, что в какой-то момент власть просто повернулась к нам спиной и к нашей тематике...

Н.Л.: Это было уже в двухтысячные годы?

О.А.: Это было уже в двухтысячные годы... в поздние двухтысячные годы – это, конечно, тоже не может не... не расстраивать. И, раз я уже заговорила о властях, я скажу свою идею, которую, не знаю, наверное, не все разделяют. У нас была... Ну, конечно, мы были юные в интеллектуальном смысле слова феминистки. Одно дело – стихийный феминизм, другое дело – вписанность в некоторые политические традиции, в некоторые интеллектуальные традиции. И мы окунулись в какое-то море, прыгнули в него, под названием «феминизм академический», не понимая, - у нас не было курсов «women's studies», у нас даже не было нормальной – я говорю про людей гуманитарной специальности – нормальной истории, там скажем, женской, или там гендерной проблематики в философии, или в политологии. Этого ничего не было. Мы плыли в этом море самостоятельно. И, наверное, в силу нашего советского прошлого, наверное, в силу каких-то еще интеллектуальных обстоятельств, очень много мы сделали... мы сделали очень большую ставку на работу с властями. А потому что...

Н.Л.: С самого начала.

О.А.: С самого начала. Женское движение было... То есть, его вообще не было, если говорить... Я могу сказать откровенно довольно вещи, я не раз говорила, меня не любят – я считаю, что женского движения в России нет. И не было. По крайней мере, в советское время, ну, вот в мое советское время. Не было. Были отдельные женские организации. Были отдельные инициативы. Они могли быть очень основательными, и в каких-то регионах, может быть, они добивались там чего-то: открытия «шелтеров», да, или там изменения или увеличения пособий на детские сады там, я не знаю, что-то такое они могли делать. Но движения, которое связывает все организации, или организации одного региона, которое ставит перед собой политические цели, открыто об этом говорит, разрабатывает стратегии их достижения, у нас такого движения не было и быть, наверное, не могло, потому что мы все-таки до сих пор еще очень советская страна. И страна, очень сильно контролируемая структурами власти. Есть, конечно, некоторые – ну, если не страх, но опасения и нежелание, да вот, и желание куда-то убежать и не заниматься этим. Поэтому мы, с одной стороны, вроде бы женское движение, но вот они власти. И ведь казалось, что эти власти вменяемы. Что они ездят за границу, они приезжают на форумы ООН, значит, Конвенция CEDAW была ратифицирована, - правда, она так долгое время была малоизвестна, но, тем не менее, она была ратифицирована, - периодические доклады в советские времена и даже в ранние такие вот постсоветские тоже довольно часто писались. И какие-то вроде подвижки, какой-то национальный механизм создается, какие-то законы. И казалось, что власть вменяема, что с ней можно разговаривать. И вдруг – просто из-за того, что там что-то перещелкнулось – все изменилось, все это кануло в никуда. И ставка на развитие... на диалог с властью, вот которую мы делали, она не оправдала себя. Я не знаю, чего добьются молодые феминистки. В общем у меня с ними диалог не получается. Они... Я не знаю, в чем причина. Вот только с Наташей Битвен. Но она все-таки не совсем молода и она написала диссертацию, она была у нас в библиотеке в МЦГИ, в общем она все-таки более – ей 40 же, она ближе к нашему поколению. А вот совсем молодые девочки, они приходят, они берут книжки, они слушают. Второй раз они не звонят. И не пишут. То ли я для них слишком буржуазна, то ли я для них слишком просто стара, то ли они робеют со мной говорить на равных, им неприятно и они уходят из диалога – я не знаю. И уже не буду раскапывать эти вопросы, искать ответы. Но они делают ставку на другое, они как раз работают с самосознанием, и с сознанием, и с языком, и с образом жизни, но это в общем... это здорово, но мне кажется, что это такая локальная геттоизированная тоже стратегия – потому что кто туда попал и кто как бы прижился, он там и живет. А в общем они вовне-то тоже не выходят. Мы в этом смысле были даже более активными, писали, говорили, выступали, и в общем на телевиденье немало говорили, на радио немало говорили.

Н.Л.: Я снова хочу вернуться к теме признания каких-то ошибок или недочетов. Потому что вот, насколько я понимаю, одна из ошибок была слишком большое – может быть потому что мы ориентировались на Запад – доверие к тому, что контакты с властью что-то изменят в высших эшалопах и помогут, и что власть хочет измениться и мы им подскажем, как это сделать. Можно какие-то выделить еще моменты, которые бы могли быть

учтены следующим поколением девочек, которые создают женские организации, чтобы не наступить на те же грабли и избежать каких-то ошибок, которые мы совершили?

О.А.: Сейчас я отвечу на вопрос. Я еще хочу сказать, что почему, так сказать, молодому... это, это вот уже... то есть, наша... отчасти наша ошибка была в том... не в том, что мы работали с властью, с ней надо было работать. Но в слишком большом доверии к власти. Потому что у нас не было никогда возможности воздействовать на эту власть. И это, кстати сказать, не столько наша ошибка, сколько наша беда, потому что, ну, не было в нашей политической системе таких механизмов, чтобы мы воздействовали на власть. Ну, не было их, и сейчас нет. А это очень важно, потому что женское движение может воздействовать на власть только вот в развитой политической в какой-то структуре. В развитой политической культуре, когда есть механизмы предъявления женских интересов наравне с интересами других групп населения там по экономическим, там политическим, этническим основаниям сформированных – неважно. Главное, чтобы были эти механизмы. Я прихожу к своему депутату, я ему даю запрос, я от него требую. Не было, нет и, боюсь, не будет. Поэтому что касается советов молодым девочкам, совет, наверное, только один: все-таки, если нет возможности политическим образом влиять на власти, давайте влиять культурным образом хотя бы на сознание населения. Это возможно. То есть надо больше проводить семинаров, воркшопов, больше писать, больше являть себя миру. Не надо запирается вот в эти маленькие группки. Конечно, замечательно – одна из питерских девочек мне сказала, что они будут издавать «зины» вот эти - да, вот эти рукописные журналы. Хорошо, ребята, но в век интернета это уже смешно. Сколько вы можете их написать и издать. Даже если потом вы их как-то ксерокопируете. Мне кажется, что они слишком геттоизируются и слишком замыкаются – даже больше, чем мы, вот в свои круги.

Н.Л.: Как сейчас пересекаются Ваши исследования и женское движение? Есть ли такие пересечения? Или после защиты докторской диссертации это уже...

О.А.: Нет, это уже не докторская диссертация. Я докторскую диссертацию защитила довольно поздно, в 2004 году, и еще были какие-то пересечения, потому что – опять же, может быть, не личные, а уже немножко экономические проблемы вмешались, - но через интернет у нас, в наших школах участвовали не только академические исследователи или преподаватели – мы принимали активистов, которые говорили: «Вот у меня маленькая женская организация», - она могла быть зарегистрирована или незарегистрирована, и, может быть, это на уровне моих личных консультаций, контактов, но, тем не менее, это все было. Сейчас, конечно, ситуация с женским движением еще плоха в том смысле, что государство, отказав западным фондам в возможности поддерживать – ну, не только женские, но и любые другие общественные инициативы – само в общем-то не поддерживает их. То есть, они формально говорят, что раздают гранты, но гранты эти идут таким сервильным организациям, на тематику, которая интересуется только власти, а вовсе не на ту тематику, которая интересуется обществом. Никаких конкурсов нет, в общем, все понятно, как заранее

распределено. Сейчас развивается очень активно православное женское движение, причем я даже не знаю, это движение или это просто разовые акции. Но, во всяком случае, время от времени появляются какие-то письма и обращения, о запрете аборт, о запрете употребления слова «гендер» от имени...

Н.Л.: От имени Союза православных женщин?

О.А.: Да, да, или даже от ряда женских организаций, они могут называться родительскими организациями, но это в общем все понятно, что, и туда идут немалые средства и, видимо, там ну есть такие руководители, которые просто им рассказывают, что писать и что делать.

Н.Л.: Вопрос, который задаем мы всем, кто участвует в проекте. Но, вероятно, философу тем более может быть важно. Сформулировать, что для Вас феминизм. Для Вас, просто в обычной жизни, не для преподавания, а для личного как бы употребления. Это повлияло на собственную профессиональную и вообще житейские обстоятельства, не повлияло, как повлияло, - тот факт, что Вы связаны с женской темой, с женским движением?

О.А.: Если это повлияло, то, мне кажется, это повлияло скорее на какое-то мое самоощущение, а, может быть, это самоощущение у меня было с детства. Мне кажется – вот по моим воспоминаниям – я всегда была очень независимым ребенком. И очень самостоятельным ребенком. И у меня были даже какие-то свидетельства, когда я спорила, скажем, с отцом, которого я очень сильно любила и люблю – он умер, к сожалению, - по каким-то таким общественно-политическим темам, мы занимали разные позиции. Я могла с ним спорить там в шестом классе, в пятом, и т.д. Решение, куда пойти учиться, я приняла самостоятельно, они не хотели, чтобы я шла на философский факультет. Ну естественно, кто ребенку такую беду пожелает, еще и женщине. Скажем... Несколько раз я принимала решения, которые казались совершенно безумными. Я ушла с работы высокооплачиваемой и весьма престижной, которая меня просто убивала, и пошла на копеечную зарплату в Академию наук, это было еще до моего знакомства с феминизмом. То есть, в принципе мне кажется, что я потому и начала им заниматься – может быть, это покажется кому-то некоторым бахвальством, но я так себя ощущаю – мне кажется, что я потому и начала им заниматься и потому его и приняла, что я внутренне в принципе была к нему готова и была свободна. Я никогда не позволяла никому рулить собой и своей жизнью. Хотя это не значит, что я в своей личной жизни радикалка. Дело в том, что у меня такое довольно противоречивое было воспитание, и, в частности, одна моя бабушка – она... поповская дочка, и ее саму очень традиционно воспитывали. Я не знаю, была ли она в советские времена верующей, мы никогда об этом не говорили. О том, что мой дед был священником, я узнала очень поздно, тогда все скрывали, можно было загреметь. Он умер – хотела сказать, к счастью, - к несчастью, но он до революции умер, поэтому это их спасло. Но она получила традиционное воспитание и меня воспитывала так же. Мы не жили вместе, но, когда я к ней попадала – я ее очень любила, и делала она это мягко – но во мне

есть такой традиционализм. Скажем, при выборе: пойти приготовить обед семье или написать статью – я сначала пойду приготовлю обед, потом сяду писать статью. Это не феминистское как бы поведение. Но я считаю, что в своей личной жизни я могу выбирать линии поведения, ценности и делать так, как я считаю нужным. В этом тоже, кстати сказать, феминизм, мне кажется. Я могу уступить мужу – запросто. Я могу наступать на горло собственной песне ради ребенка. У моей дочери было очень трудное, очень бурное взросление, временами я хотела ее просто убить. Но всегда говорила себе: «Оля, самое главное – не терять контакта с ребенком». И я себя заворачивала просто узлом, чтобы не наорать, не выгнать ее из дома и не потерять этот самый контакт.

Н.Л.: А дочь разделяет Ваши взгляды?

О.А.: Да, да. Она не академический человек совершенно, она никогда не будет там с пеной у рта что-то доказывать, но я горжусь тем, что она внутренне феминистка, антирасистка, человек свободных демократических либеральных взглядов. Хотя она очень любит одеваться, очень любит наряжаться – ну девочка молоденькая, что сделаешь. Она может выглядеть как-то так, но, если надо, она своим друзьям все объяснит. Почему нельзя называть приезжих гастарбайтеров неприличными словами, почему нельзя ненавидеть евреев, почему нельзя ненавидеть человека на основании расы, нации, этноса, вероисповедания и сексуальной ориентации, хотя она человек традиционной сексуальной ориентации, но, тем не менее, все остальное ее не пугает. И я считаю, что это моя заслуга... наша заслуга с мужем, потому что без его поддержки, наверное, я бы не смогла, ну, по крайней мере, сохранить семью. Феминисткой, может быть, осталась, но...

Н.Л.: Он тоже в известной степени, или частично как-то разделит подходы и взгляды?

О.А.: Конечно. Он изначально их как бы разделял. Наверное, он никогда не оформлял их никакими словами, он просто интеллигентный человек, философ, и поэтому ему... для него это вообще странно, и он даже временами как-то так... наших коллег – мы работаем в одном институте – наших коллег иногда осаждают, когда в разговоре какие-то шутки сексистские идут, либо – он мягкий человек, он не будет воевать, - но он мне говорит, что это вообще как-то удивительно, вот я там разговаривал, что люди говорят. И он всегда приходит на какие-то мои выступления там, я не знаю, я могла уезжать и оставлять с ним дочь на несколько дней в командировки какие-то, и на нас смотрят в институте с некоторым таким недоумением, конечно. Муж вообще... Ну, уже смирились со мной, но все равно я, конечно, белая ворона. А он белый ворон, наверное. А фамилия наша Воронины. Поэтому совсем белые Воронины.

Н.Л.: Вопрос теперь снова, к истории МЦГИ я хочу вернуться. Вопрос связан с событиями рубежа девяностых и двухтысячных годов и теми переменами, которые принесли двухтысячные годы. Я думаю, что это очевидно, что был консервативный поворот в политике, который повлек за собою изменения статуса многих в НКО. Как выживал МЦГИ в это время и когда еще были

какие-либо встречи или какие-то школы и прочие организовывались, то есть какие были этапы и вехи пути в последние десять лет.

О.А.: До две тысячи, наверное, девятого года, когда это, видимо, началось... Да, я правильно?

Н.Л.: Ага.

О.А.: Боже мой, как время летит. В общем мы больше переключились на образовательно-просветительско-исследовательскую деятельность, и у нас было несколько проектов, в том числе проект по изучению национальных механизмов в разных странах, и с помощью там гранта Макартуров я смогла заказать доклады и отчеты о развитии государственной политики, национальной политики, практически во всех бывших союзных республиках, независимых государствах. Хотя там тоже были очень разные ситуации, скажем, из Прибалтики мне никто не ответил и не захотели с нами иметь дело, в Узбекистане женщина писала великолепный доклад, но попросила оставить ее анонимной. И в книжке, которую мы издали, она – так и анонимный автор, потому что она опасалась преследования и она потом даже уехала из страны.

Н.Л.: Это не о Светлане идет речь?

О.А.: Нет, нет. Это не Казахстан, это Узбекистан. Да. И книжка вообще вышла очень хорошая, она пользовалась даже еще в девятом году большой популярностью у наших политиков, и мы привезли 150 экземпляров в Госдуму на какие-то их слушания. И книжки разошлись. Помимо этого у нас были публикации по изменениям в образовательной системе, на рынке труда, в сфере здравоохранения – в общем, ну вот такая тоже исследовательская работа, но она прикладной носит характер, не так теоретический. Также это все замечательно расходилось. Были даже какие-то заочные конференции, какие-то личные встречи...

Н.Л.: И контакты с властью.

О.А.: И были контакты с властью. Совершенно верно. Но вся эта ситуация изменилась уже где-то на переломе 2010-11. И даже тот факт, что фонды ушли так или иначе из России, еще... Но он был конечно, неприятен... в этот момент одним... одним из серии этих самых моментов, но еще оставалась надежда на то, что можно будет сохраниться и как-то прожить на гранты отечественные. Но, к сожалению, мы ни разу не получили ни одного гранта, хотя их подавали, заявки на гранты. Не хотела слишком сильно... Более или менее получали деньги, я так понимаю, организации, которые занимались проблемой насилия в отношении женщин. Я считаю, что это очень важная проблема, но мы никогда этим не занимались.

Н.Л.: От российских фондов?

О.А.: Да, от российских фондов. Они получали от Общественной палаты, в том числе Консорциум, который изменил свою – извините, я уж назову вещи своими именами – они были все-таки организацией общественной, женской, такой как

бы политизированной, они не очень много проводили собственных исследований, но в какой-то момент они переменили, стали заниматься проблемой насилия. Ну, наверное, это хорошо, потому что проблема неисчерпаема и там можно много чего делать. Но мы решили, что мы этого не будем делать. А на проблемы эти, которые мы хотели обсуждать и исследовать, мы денег не получили. Поэтому какое-то время мы существовали так, потом я смогла убедить Фонд и Фонд, видимо, нас просто решил побаловать напоследок. Мы получили очень маленький грант на реорганизацию сайта.

Н.Л.: Это фонд какой?

О.А.: Фонд Макаруров.

Н.Л.: Ах. В конце их... Это пока они не были изгнаны?

О.А.: Практически, да, пока они не были изгнаны.

Н.Л.: Или уже в Чикаго обратились?

О.А.: Нет, нет, нет, нет. Мы получили деньги здесь, и официальным образом мы их получили на счет, как мы и получали все деньги до этого, и смогли реорганизовать наш сайт и сделать его более современным. Сохранить всю информацию, которая была, добавить там что-то. Он уже собственно даже не сайт, а такой портал как бы научный с какими-то выложенными текстами. Это вот большое было дело.

Н.Л.: Пополняют его, обновляют?

О.А.: Ну, сейчас нет. Сейчас нет средств этого делать. Несколько лет, ну, даже не лет, а месяцев там – я, к сожалению, сама не могу этого делать. Был наем-...

Н.Л.: Пришло новое поколение или вообще?

О.А.: Нет, нет, мы это делали с помощью специалиста, который... ну, там нужно было просто сделать новую программу всю, вот все заново сделать, заново снять, залить, иногда нужно было какие-то форматы менять – это была большая работа, двухлетняя. И мы надеялись, честно говоря, что мы как-то сумеем это продолжить, но ни Макаруры не поддержали, ни российские фонды не откликнулись на это... И пока вот в таком... Но туда можно заходить, можно брать материалы, но в общем так скорее, как говорят, «пациент скорее мертв, чем жив».

Н.Л.: Значит, не появилось нового поколения, которое пришло бы вам на смену и готово было организовывать школы-конференции...

О.А.: У нас нет. У нас не получилось. И потом опять же, это новое поколение – элементарно, даже для того, чтобы снять помещение, сейчас нужны очень немаленькие деньги. И все остальное требует средств. Если даже не говорить о том, что люди должны получать себе хоть какой-то гонорар, который компенсирует их усилия, может быть, я сейчас даже и могла б заниматься этим без гонорара, как волонтер. Но все остальное все равно требует каких-то средств. И уже когда мы практически заканчивали грант и у нас уже не было денег, мы

попали, конечно, под эту расческу с объявлением... с обвинением нас в том, что мы иностранные агенты. Это было летом 2011 года. Это было ужасно, потому что...

Н.Л.: Как это было? Получили письмо из прокуратуры?

О.А.: Да, получили письмо из прокуратуры по электронке, из Ленинской прокуратуры, поскольку у нас юридический адрес в этом районе был, такого, значит, содержания: «Просим завтра явиться (вечером это было), просим завтра явиться в прокуратуру со всеми уставными документами, с выписками (они там брали за последние два года, смотрели деятельность)». Естественно, я сказала: «Извините, но это невозможно». Ну, в общем нам дали неделю, мы там что-то ксерили, хотя мы же официальная организация. Мы официальная организация, зарегистрированная в Минюсте, все абсолютно у нас финансовые операции шли через Сбербанк. Даже не через что-то. Все прозрачно, все можно запросить, получить и так далее. Женщина, девушка молодая – прокурор, которая нас допрашивала первоначально, - она даже очень милая. Она даже в общем как-то с пониманием относилась, но она, она исполнитель, наемный, она даже сначала не понимала, о чем она должна нас спрашивать.

Н.Л.: А кто кроме Вас был?

О.А.: Я и бухгалтер.

Н.Л.: Сдержали как бы.

О.А.: Да, да. Ну, я как директор и бухгалтер как право подписи. Несколько раз мы носили вот такие просто ксерокопии, вот такие пачки этих самых документов. Но это все могут рассказать. До последнего момента. Но там же проблема была такая, что мы занимаемся политической деятельностью на иностранные деньги. А проблема вся в том, что они не определили в законе, что такое «политика». И поэтому каждый мог трактовать, как угодно. И даже вот эта наша – не знаю, в каком она статусе, помощник прокурора, наверное - девушка, она говорила: «Ну как, вот вы что-то, значит, что-то там рассказываете, значит, вы влияете на сознание людей, - а, значит, вы занимаетесь политической деятельностью». Я говорю: «Понимаете, в таком случае любой преподаватель занимается политической деятельностью». «Но вы получаете деньги». Ну, в общем вот по поводу этого мы очень долго беседовали с ней, хотя, я думаю, что сыграло свою роль не это, а то, что я уже в данном случае – я так никогда не делаю, но в данном случае я решила, что я обязана это сделать. Я собрала – я, конечно, написала что-то в Думу, ответа не получила. Я собрала все какие-то их бумаги, которые они нам присылали: поздравления с Новым годом, с 8 марта, приглашения на какие-то приемы, письма с просьбой прислать им книжки, там какие-то благодарности – все абсолютно вот так нагло отксерокопировала и все папки у меня открывались этим – Лахова, Грызлов, Мизулина и так далее. Да! Мне было самой и стыдно, и неловко, но, с другой стороны, а что делать?! Да, что делать?! А в какой-то момент девушка опять сказала. Уже мы все прошли, и вдруг она мне говорит: «А у вас что, и политологи в проекте были?». Я говорю: «Были». А это она уже по пять раз все

это просмотрела. «Давайте», говорит, «а еще какую-то я должна была объяснительную записку писать». Там все время нужно было что-то объяснять, и это было самое ужасное, потому что что объяснять, когда все ясно. «Давайте, - говорит, - не будем писать». Ну давайте не будем, хотя программа висит на сайте, вообще-то говоря. Потом возник вопрос: «А как, у вас на конференции в Самаре были представители местных органов власти?». Я говорю: «Были. У нас задача, такая работа». «Это недопустимо, это невозможно, это влияние политическое, и так далее». Я говорю: «Извините, пожалуйста, но тогда, наверное, как я, вы думаете, я на них влияла? Они пришли, послушали, ушли, они обед у нас даже не съели. Денег я им не платила. Что они вынесли из того, что они услышали, я не знаю. Отчеты я с них не спрашивала. Как я на них влияла?» «Все равно это влияние». Вы знаете, тогда и Мизулина – руководитель Комитета по делам женщин, семьи и детей, между прочим, доктор юридических наук, не знает о том, что она делает, потому что она все время нас приглашает. Вот я – член экспертного совета, мы ходим на парламент..., и мы там выступаем. Мы тоже оказываемся в Думе. Тут девушку, конечно, это сразило. Я думаю, что разговор наш там записывался. Я так думаю. Потом пришел какой-то юноша проверять наши бумаги финансовые. Смотрит, смотрит, смотрит, листает. Тоже замечательный. Пришел, сел ко мне спиной. Я в спину говорю ему: «Здравствуйте, меня зовут Ольга Александровна Воронина». Что-то буркнул себе. Потом говорит: «Ольга». Я говорю: «Меня зовут Ольга Александровна». «У нас Президент везде представляется как Владимир Путин». Я ему говорю: «Это личное дело Президента. Я – Ольга Александровна, извольте». Ну ладно. «А что это такое РАГС? Это что, очередной фонд, который вы не упомянули?». Я говорю: «Нет, это Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, мы с ним проводили... у них на территории проводили семинар. Платили им, между прочим, иностранными деньгами. Правда, конвертируемыми в рубли. Но это все было из гранта. Вот видите: тут обед, кофе и ночлежка». В общем, нас оставили в покое. Правда, даже не удосужились нам ничего написать в ответ. Просто вот еще несколько месяцев я дергалась, и нас оставили в покое. Но это, мне кажется, только вот благодаря тому, что я уже все козыри бросала и, видимо, ну, решили: «Что с ними связываться». Там и других можно пощипать. Но в общем меня это очень впечатлило, мне не хочется еще раз проходить эту проверку. Я не знаю...

Н.Л.: К этому времени уже зарубежное финансирование закончилось? К этому времени - к 2011 году?

О.А.: Да, оно закончилось, да. Но они проверяли десятки

Н.Л.: Ах, предыдущие.

О.А.: Предыдущие годы. В десятом у нас были какие-то копейки на счету. А вот. Но к этому времени уже многие организации проходили, и получали...

Н.Л.: А исходили из того, что превышение какой-то суммы, то есть маленькие суммы можно, а большие нельзя?

О.А.: Нет, нет, нет, нет, нет. Исходили из того, что все организации, которые получали иностранное финансирование и занимались, с их точки зрения, политической деятельностью, являются иностранными агентами. Например, социальная политика – да, это тоже политика. А что такое, скажем, политика в сфере здравоохранения? Это просто экспертизу проводили люди, которые не понимали того, что они делают. Это были не политологи, это были даже не помощники прокуроров, которым хоть какие-то прочитали лекции. Хотя бы даже о том, как трактуются политика и политическая деятельность в том законе... и в поправках к закону, которые были приняты, даже хотя бы вот здесь. Ну, я представляю себе, если бы вот меня сейчас, например, отправили проводить экспертизу, я не знаю там, какой-нибудь медицинской операции. Мне говорят: «Она сделана во благо пациенту, но, извините, он немножко помер после этого, но мы хотели как лучше». А я говорю: «Он же все равно помер, вы вообще не имели права». А мне бы стали говорить: «Да нет, он бы вообще без нашего вмешательства еще быстрее бы помер». Ну, вот абсурдная совершенно ситуация. Но сделать с этим уже ничего нельзя было.

Н.Л.: И вы уже не контактировали с международными организациями после 2010 года? Или все-таки продолжались и контакты по интернету, и речь уже, я думаю, не о финансировании, а именно о поддержании просто связей, которые наработаны за годы?

О.А.: Дело в том, что контактировать довольно сложно. Я, может быть там, обмениваюсь временами какими-то там записочками – даже больше через Фейсбук, но иногда и через интернет, то есть через почту, с Фондом Макартуров, все-таки у нас более длительные отношения, и чиновники в Чикаго, ну, как-то вот знают нас, да, и МЦГИ, и меня. А, скажем, с Фондом Форда уже давно нет отношений, ну, и с Соросом – это вообще была объявлена одиозной личностью, поэтому с ними тоже нет никаких отношений.

Н.Л.: А глобальный фонд для женщин? И не американский, а, может быть, немецкий, или какие-то французские организации?

О.А.: Дело в том, что нет, я даже не пыталась. Во-первых, Глобальный фонд все-таки дает очень маленькие средства и в основном они дают организациям, которые только встают на ноги. Нам даже вроде неприлично просить эти деньги. А потом, нет механизмов получения этих денег легально в России. Нелегально я работать не хочу. А легально нет, пожалуйста, на счет они могут перевести эти деньги, но я же тоже немедленно буду опять призвана и меня объявят иностранным агентом. И потом, там другая отчетность. А отчетность я вам скажу какая. Там нужно будет раз в квартал, то есть раз в три месяца подавать там все абсолютно бухгалтерское... то есть, это работать только на отчет. Только на отчет. И еще не быть уверенным, что ты будешь жить спокойно, поэтому... Мы в таком состоянии, мы не закрываемся. Но мы в неопределенном состоянии.

Н.Л.: Можно сказать, что международные женские организации как-то повлияли на вашу работу вообще на протяжении этой четверти века?

О.А.: Конечно, потому что часть из них...

Н.Л.: Не только финансово, я имею в виду.

Частично благодаря, ну, обмену опытом, потому что и здесь они бывали, и мы ездили очень много к немцам, партия «Зеленых» часто проводила различные мероприятия.

Н.Л.: В чем отличие работы зарубежных организаций от наших? Есть ли... Можно сказать, что у нас есть что-то отличное, бесспорно, что не позволяет западным организациям работать у нас так, как они работают со своим женским электоратом или с женским населением, и так далее?

О.А.: Мне кажется, что это не отличие каких-то форм организации на Западе и форм организации у нас, это скорее различие всего социо-культурного и политического контекста, в которых работают те организации и здесь организации. Потому что на Западе женская организация является полноправным участником гражданского общества и где-то даже политического процесса. То есть никому не придет в голову называть ее иностранным шпионом за то, что... или агентом за то, что они получили финансирование из-за рубежа. Существует очень много – но сейчас у них, конечно, тоже кризис, сократилось финансирование, но, тем не менее, существует много фондов, в которые они могут обращаться. И, опять-таки, это не является экономическим преступлением. Они могут вступать в какие-то контакты с... и Союза, и Альянса, и с различными политическими партиями и силами...

Н.Л.: Но слово «феминизм» не употребляет?

О.А.: Ну естественно. Нет, хорошо, когда нет камер, когда мы встречаемся на каких-то маленьких семинарах... Она меня приветствовала, как дочь родную. Я даже удивилась.

Н.Л.: Ну, так что, с оптимизмом Вы смотрите в будущее? Или здесь основное, что мы могли сделать, мы сделали в девяностые годы и сейчас особенно уповать не на что?

О.А.: Я думаю, что, если изменится политическая ситуация, если все-таки страна немножко одумается и перестанет идти... ну не страна, а власти перестанут идти по пути консерватизма и изоляции и возвращения в такое вот какое-то патриархальное средневековье, если это произойдет, то найдутся женские организации, и найдутся люди, и найдутся энтузиасты и нашего возраста, и более молодого возраста, которые начнут об этом говорить. Возможно, молодое поколение – оно просто, знаете, оно... часто девочки и юноши молодые, они не... по крайней мере, столичные, образованные, они, конечно, не разделяют этих патриархальных сексистских взглядов. Им просто кажется, что все то, чем они обладают там: свободный доступ к работе, свободный доступ так к образованию – это само собой. Но для них это все-таки уже действительно само собой, поэтому, если кто-то их начнет ущемлять, они не очень пойдут. Пока еще нет антиабортных выступлений, но я думаю, что, если ситуация завернется, то они

могут и начаться. Вполне. Или это будет тихий саботаж, или это будет еще что-то. То есть в принципе какой-то потенциал есть, но постольку, поскольку все-таки сейчас идет очень активное массированное промывание мозгов на изоляционизм, на то, что у России собственный путь, права человека нам не указ, но уж какой тут вообще гендер, ювенальная юстиция нам не нужна, «бьет – значит любит» - вот в этой ситуации я не знаю, я не думаю, что есть возможность куда-то повернуться, тем более что Москва – это одно, а страна – то это другое. Там как это все влияет, не знаю.

Н.Л.: Но все-таки мы остаемся исследователями, а не только в составе числим себя женского движения, но мы имеем возможность наблюдать это и со стороны, как исследователи, изучать это, и, вероятно, в этом может состоять наша задача, учитывая тот путь, который мы прошли. Можно ли сказать... Думаете ли Вы, что Ваша дочь, разделяя Ваши убеждения, может поддерживать, ну вот допустим, антиабортное выступление, и какие-то антипатриархатные идеи, которые так или иначе витают в воздухе в связи и с темой контрацепции, и с темой детности семьи увеличения, потому что, конечно, государство заинтересовано, чтобы увеличилось количество рождающих женщин, а не женщин с высоким самосознанием и так далее. Здесь мне... Я вопрос поясню: насколько наши дети, те, кого мы, собственно, воспитали, дети или, может быть, близкие ученики и т.д., готовы будут те идеи, которые мы вложили им в головы, в дальнейшем транслировать своим друзьям, своему поколению – может быть, даже поколению следом, т.е. скажем, внукам и так далее, или все-таки мы свое дело сделали и вряд ли они будут продолжать его?

О.А.: Что касается собственной дочери, она, конечно, их будет транслировать и транслирует, что касается поколения в целом... я не знаю, тут сложный вопрос, потому что они, конечно, более свободны, чем там мы, допустим, были, но они в то же время сейчас зажаты очень сильно в тиски экономические, потому что всякие выступления могут повлиять на их, ну, просто возможность работать и зарабатывать и, конечно, они, может быть, не революционеры, потому что они выросли сначала в годы очень бурных реформ и трагедий и жертв, да, чисто физических. Это все мы помним, и 91, и 93 год. А, с другой стороны, потом наступил такой период очень жирный, что называется, да. Хорошие цены на нефть, масса развлечений, особенно Москва, Петербург, жизнь закрутила, и все прекрасно, и нет особенного желания каким-то образом политизироваться. Но внушает все-таки некоторую надежду, что, скажем, когда происходит в Москве такие демонстрации – ну, назовем их оппозицией, хотя они не стараются таким образом себя не позиционировать, - там очень много молодежи, причем в том числе женщин и мужчин с детьми. То есть, да, они не пошли на баррикады, но вот здесь вот они вышли. Хотя есть и другая тенденция. Меня, например, удивляет, идут по улице колясочки... вот я недавно в связи с Победой увидела. Колясочки, значит, оформлены: какой-то козырек такой, какой-то военный, и все в этих самых георгиевских лентах, которые уже имеют определенную политическую коннотацию. Что же касается нашей жизни и наших возможностей исследовать

это все... я надеюсь, что у нас будет возможность. Но ведь мне уже как члену конкурсной комиссии прислали вчера новое положение, которое ФАНО с нами обсуждает, так по поводу эффективного контракта и всего прочего. Вот будет ли моя гендерная тема вписана в эффективный контракт? А Ваша? Я не уверена.

Н.Л.: Думаю, что, да. Думаю, что со своей стороны, могу только надеяться на то, что сохранится название у Сектора, потому что уже на это намекали. Потому что этнография, говорят нам, наука описательная, поэтому, если будет этнография семьи, вы ничего не потеряете.

О.А.: Да-да, конечно. Конечно. А у меня была... Не знаю, дозвонились ли Вы или связывались ли Вы с ивановскими коллегами и с нашими коллегами из других городов, у меня в прошлом году была ну, такая, как ее назвать, бакалавриатка, что ли? Нет, она была магистрантка, магистрантка из Англии, очень активная девочка, и она ездила в Ивановский центр гендерных исследований. Но там ситуация в общем довольно печальная, потому что курсы сокращаются, и слово «гендер» рекомендовано не употреблять. Они хоть называют себя Ивановский центр гендерных исследований, но я не знаю... Ольгу Шнырову² ведь увольняли, потом она по суду восстановилась. Она, может быть, и читает эти курсы. Но я думаю...

Н.Л.: Наверное, уже не истории феминизма, а...

О.А.: Да, да, что-нибудь, чего-нибудь другого, да. Или о женщине или я не знаю... Ну, в принципе, конечно, можно найти некоторый выход, и одно слово заменив другим, оставив содержание, если, опять же, руководство – академическое или там образовательное – захочет пойти на эти... вот на это. На самом деле, вообще говоря, у меня, Наташ, я не знаю, войдет это в интервью, не войдет. У меня в одно время была –, я сейчас выползаю из этой ситуации – но у меня было очень плохое состояние. Очень. Особенно когда Римашевская предложила нам... то есть, не она предложила, а директор предложил нам выметаться. Это было два года назад. Два уже, собственно, года назад. Как раз вот в конце мая. То есть, нам в течение месяца предложили освободить помещение. Причем мы уже давно там не фигурируем как Центр гендерных исследований, у нас отключили за несколько лет до этого все телефоны городские. Там сидит ее лаборатория. Гендерных проблем. Да. Там сидит в этом помещении ее лаборатория. Центра гендерных исследований нет вообще. У нас есть юридический адрес, но он где-то там, его никто не знает. Письма мы сюда уже давно не получаем, интернет у нас идет не по выделенной линии, СЭП у нас свой собственный, через эти модемы. То есть, мы как могли спрятали себя. «Нет, вы в течение месяца, пожалуйста, уезжайте. Освободите помещение». Я сунулась к ней. Она говорит: «А что, давно пора было закрыть. Кому это сейчас нужно?». Но денег-то нет. Значит, не нужно. Я отвезла библиотеку в МГУ. Ну, вот сейчас только они начинают ее разгружать. На факультет госуправления. И то, на самом деле, не знаю, что там с их деканом и с этой гендерной тематикой будет. Не очень понимаю. При этом, когда я пыталась библиотеку куда-то пристроить – ну, я понимаю, там в Ленинке места нет, и

² Глава Ивановского центра гендерных исследований.

ИНИО Не места нет, и в общем - тоже она бы лежала в коридоре, сгорела бы там где-то еще, но ведь никто не пришел помочь. Я собрала собрание, все сказали: «да, да, закрываться», - из наших сотрудников - «давай закрываться». А когда надо было грузить библиотеку, я из оставшихся, так, денежек от грантов - я уже понимала, надо каким-то образом - наняла рабсилу, и была я и бухгалтер. Все. Перевезли. И больше это никого не волнует. Никого не волнует. Из всех - ну, вот я так прикинула, у нас были за времена наших школ, наших школ и наших конференций - представители примерно семидесяти университетов России. Сколько в человеках я не помню, но это было в человеках несколько тысяч человек, которые так или иначе прошли какую-то переподготовку. Ведь с Новым годом, Днем Парижском коммуны и с Днем Рождения практически никто не поздравляет. Я раньше писала веерную рассылку, в какой-то год перестала. Мне отвечали. С новым годом. Пусть формально, но тем не менее. В двести адресов я рассылала. В какой-то год я перестала писать, и Таня Барчунова мне написала:

Н.Л.: Из Новосибирска.

О.А.: «А где президентское послание?». Ну, это так. В общем не знаю. Но во всяком случае...

Н.Л.: И все-таки мы были не зря? Ваш Центр, который так много сделал просто для пропаганды самой идеи, слова самого «гендер», и феминизма.

О.А.: Ну, в общем и подхода.

Н.Л.: И подходов, и все прочее, как никакой другой. Конечно, все примерно одно и то же рассказывают, и ни один сейчас Центр не может похвастаться тем, что, несмотря на изменения социально-политического контекста и полное отсутствие финансирования, они продолжают свою работу. Что, конечно, в какой-то степени является упреком и нам - в том плане, что мы не продумали момент, а что будет, если сейчас не будет ни грантов, не испортятся отношения. Никто, конечно, не знал, что будет война с Украиной, санкции, и прочее и прочее. Это невозможно было в страшном сне представить. Но, тем не менее, мы верили в то, что мы навсегда теперь интегрированы в Европейское сообщество.

О.А.: Да. Вот да.

Н.Л.: И другого пути нету и история уже никогда не будет другой. Однако сейчас, когда мы возвращаемся к теме эопова языка и необходимости говорить опять, как при советской власти, особым образом о тех проблемах, которые нас волнуют, - ну, естественно, они общие для всех.

О.А.: Это, конечно, ужасная боль, что как-то вот... не то чтобы нет преемственности, нет, она есть, но она как-то не явна... не явлена очевидным образом, и она, может быть, не так велика, что ли. Вот я не могу не похвастаться, хотя это и не хвастовство, а такой просто один из путей, когда все-таки идеи передаются. Я встретила на одной из конференций, последних конференций Фонда Сороса с женщиной из Узбекистана. Она в тот момент была

фулбрайтовской стипендианткой, но вообще она там читает и преподает. Ну и замечательно мы с ней общались, говорили, говорили, и в какой-то момент она мне говорит: «Вы меня, конечно, не можете помнить». Я говорю: «Ну, извините». В 87 году я была в Андижане по линии обществознания. Тематика у меня была: что это такое проблема счастья и смысла жизни. Но иногда мне заказывали про советскую семью. А я им читала про советскую семью, плюс советскую женщину, плюс несоветскую женщину. Ну, вот так подпускала феминизму. И она мне говорит: «Я слушала в 87 году Вашу лекцию». Андижан – это просто дыра, между нами говоря. Просто маленький-маленький поселок, даже не город. Это называется город. И с тех пор стала заниматься этой темой. То есть, но вот нет, все равно это все, конечно, есть. И есть книги, и есть статьи, и есть библиотеки. Там вот, например, в Киргизию, Бишкек, я лично из дубликатов книг, которые в МЦГИ, из моей личной библиотеки отправила сто книжек по гендеру и по феминизму. Они же... их не сожгли же. Они же там есть. Не знаю, как... читают ли они сейчас по-русски, но думаю, что кто-то читает. И так же есть какие-то следы в других разных местах, где мы были, говорили, выступали. Нет, я думаю, что это не совсем пропало до конца. Хотя, конечно, остались – ну, нет, не остались – в некотором уже периоде жизни, когда ты подводишь итоги, хотелось бы, конечно, все-таки больше признания, и больше... даже не почета, а признания, потому что как-то, ну, вот хочется получить конфетку или хотя бы поддержку, или хотя бы вот кто-нибудь сказал: «Это было здорово, это было замечательно». Пусть это сейчас, но это все равно... А вот этого нет. И то, что и СМИ молчат, и власти молчат, это, конечно, ну, все-таки... и коллеги иногда молчат – это, конечно, ранит. Ну, что ж ты поделаешь. Но Вы-то продолжаете героические усилия.

Н.Л.: Спасибо, Ольга Александровна, за то, что Вы рассказали, может быть, я что-то не спросила и хочется еще что-то сказать, но вообще прежде всего хочу поблагодарить, потому что, если мы не сохраним такую память благодаря тем, кто был участницами этих первых женских форумов и создания первых женских организаций, то, боюсь, что бумажная история, она не отложилась сейчас в архивы так, как могла бы, если это было бы не коммерческое партнерство там или какие-то НКО и так далее, а если бы это были официальные организации. То есть, конечно, у нас у всех есть свои уставные документы, но мы же не посылаем это, не формируем готовые комплекты архивных дел для того, чтобы о нас узнали позже наши потомки. Значит, если мы сейчас сохраним эту память вот в виде устных историй и, я бы сказала, устных женских историй, и аутогинографий, то я думаю, что, в противном случае, о нас не узнают. Спасибо, что Вы согласились обо всем рассказать.

О.А.: Спасибо, что пригласили и спасибо, что есть такой проект, потому что действительно это очень важно – сохранять память, чтобы никто никогда потом не сказал: «Нет, ну что вы, Россия всегда была посконная страна, здесь вообще всегда женщин колотили, а женщины, там не знаю, рожали по пятнадцать детей и ничего другого никогда в жизни не знали. Знали, знали, и еще узнают.

Н.Л.: Спасибо большое, Ольга Александровна.